

ВОЗВРАЩЕНЦЫ

Павел КОНСТАНТИНОВ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА ЭТО УЖЕ НЕ Я

Судьба Марины Цветаевой — едва ли не самая трагическая. Насколько лет она не жила, жив ли ее муж Сергей Эфрон, боец Добровольческой армии. «Сереженька! Если Вы живы, буду жить во что бы то ни стало, а если Вас нет — лучше бы я никогда не родилась!» — писала она в письме, которое вздз с собой в эмиграцию. Он разыскал Эфрона в Константинополе и привез Цветаевой его ответ. «С сегодняшнего дня — жизнь», — напишет она. Начались сборы в дорогу, распродажа вещей, поиск денег, ожидание визы, тревога: «Чует мое сердце, что там, на Западе, люди жестче. Здесь рваная обувь — беда или доблесть, там позор».

11 мая 1922 года Марина Цветаева с дочерью Ариадной уехала из Москвы. После многолетней разлуки они встретились с Эфроном на пустынной берлинской площади и долго стояли, обнявшись, не вытирая слез от слез щек. Берлин, полный русских писателей, изданий, восторженных рецензий, литературных встреч, вскоре пришлось сменить на Чехию — правительство Масарика предложило Эфрону пособие и возможность учиться. Бедность, жизнь всей семьей в одной комнате, деревенская глушь, занятия с дочерью, рождение желанного сына, отсутствие внешних впечатлений («нечто среднее между колыбелью и гробом») — таков чешский период Цветаевой, который подтолкнул семью на переезд во Францию. Париж тоже повернулся к ним своим бедным дном, «интернационалом нищеты», теснотой: «Хоть бы закут — / Только без прочий! / Крыны текут, / Стулья грохочут». «Семь лет на кухне» — емкий образ жизни Цветаевой в эмиграции. Но все это — «быт», а «бытие» (Цветаева неоднократно подчеркивала их различие) шло своим чередом: интенсивная переписка с Рильке и Пастернаком («мой заочный брат»), поэмы, стихи, литературные вечера (пусть билеты на них иногда распространяла сама, пусть постоянной ее публикой

Железный занавес рассек на «до» и «после России» многие судьбы. Особенности национальной эмиграции в том, что она была не просто перемещением по маленькой Земле, а экзистенциальной драмой — с мучительным выбором, разлукой навек, потерей корней и ностальгией. «Проплываем океаны/ Бороздим материк/ И несем в чужие страны/ Чувство русское тоски». Некоторым суждено было проделывать этот путь в оба конца. Они возвращались в другую страну, понимая, что той России, которую они любили, больше нет.

жения близких. Я виноват. Я, и Асеев, и Федин, и Фадеев. В который раз мы согласились, что беспомощны, и пошли обедать. Большинству из нас это не испортило даже аппетита», — скажет Пастернак.

АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ Я ЕСТЬ!

Когда Александр Вертинский написал роман «То, что я должен сказать» о погибших юнках, его вызвали в ЧК для дачи объяснений касательно сочувствия врагам революции. После революции Александр Николаевич эмигрировал с войсками Врангеля осенью 1920 года. На турецкой границе купил греческий паспорт, который давал возможность передвижения по миру, и таможенник записал его фамилию на греческий манер — Вертинес. Именно под этой фамилией он гастролировал по всему миру: Турции, Румынии, Польше, Германии, полюбившей ему Франции, США, Бейруту, Палестине, Гавайям, Китаю, где он искал русскую публику, а нашел 19-летнюю жену. Снимался в кино. Работал на радио, сидел в тюрьме, был совладельцем крупного ресторана на Елисейских полях. Пел в концертных залах, ресторанах и кабаре. Имел неизменный успех у публики всего мира, хотя пел на русском. Но... «все пальмы, все восходы, все закаты мира, всю экзотику далеких стран, все, что я видел, все, чем восхищался, — я отдаю за один самый пасмурный, самый дождливый и заплаканный день у себя на родине! А к этому я согласен прибавить еще весь мой успех, все аплодисменты, все цветы, все деньги, которые я там зарабатывал». В 1935 году он поет: «И пора уже сознаться, что напрасен дальний путь», чего ему не простили многие эмигранты.

В 1937 году ему разрешили вернуться, но без жены. И лишь в 1943 родину сменила гнев на милость и впустила, наконец, «русского Пьеро» с женой. Вертинский объездил тогда всю страну, выступал в госпиталях перед ранеными. После войны снимался в кино — «Анна на шее», «Великий воин Албании Скандербег», «Заговор обреченных», за который даже удостоился Госпремии. Но официально признанной звездой кумир миллионов так и не стал. Из сотни его песен к исполнению в СССР было допущено не более тридцати. На каждом концерте присутствовал цензор. Концерты в Москве и Ленинграде были редкостью, на радио Вертинского не приглашали, пластинок почти не издавали, не было рецензий в газетах. Выступал он в основном в провинции, в маленьких отдаленных городках. «Где-то там... наверху все еще делают вид, что я не вернулся, что меня нет в стране. Обо мне не пишут и не говорят ни слова. Газетки и журналисты говорят: «Нет сигнала». Вероятно, его и не будет. А между тем я есть! Меня любит народ (простите мне эту смелость)». Это письмо за год до смерти Вертинский написал заместителю министра культуры. Выступал Вертинский до последнего дня и умер в Ленинграде — в его номере не оказалось нитроглицерина.

было около ста человек). СССР лишил ее «бытия». В последний год своей жизни она будет тщетно пытаться заработать назначенными переводами: белорусские евреи, латвийский поэт Ондра Лысого и так далее («уж не знаю, что тупее (бездарнее) — подстрочник или я?»).

Возвращением в СССР Цветаева тоже обязана Сергею Эфрону. Эволюция его взглядов за границей — от пламенного сторонника Добровольческой армии («эту правду я не отдам даже за обретенные родины») до члена Союза возвращения на родину и, как следствие, сторонника СССР. Споры о необходимости (Эфрон) и невозможности (Цветаева) возвращения станут постоянными в последние годы их эмигрантской жизни. Эволюция его занятий — от издателя журнала «Версты» до рабочего и, наконец, агента НКВД.

Родина встретила ее известием об аресте сестры Анастасии. Через два месяца арестовали дочь, а затем и Эфрона. Цветаева, чей отец основал в Москве Музей изящных искусств, постоянно искала жилье (объявление в «Вечерке»: «Писательница с сыном снимут комнату»). Носила передачи, переводила ради денег все, что дадут, писала письма Станлину и Берии («сердечными» просьбами о свидании). Последней попыткой выжить было заявление о приеме на работу судомойкой в столовую Липфонда (уже во время эвакуации). Высокая комиссия торговца решала, достойна ли Цветаева с ее «излишней чувствительностью» чистопольской прописки. Но решения Цветаева уже не дождалась. «Это уже не я», — написала она сыну в предсмертной записке.

«Я виноват, что в свое время не отговаривал ее вернуться в Союз. Она была нищей в Париже, она умерла нищей у нас. Здесь ее ждало еще худшее — бессмысленная и безымянная трагедия уничто-

Зоны — к сельскому домику Генриха Белля под Кельном, в колее плотной сотни корреспондентов, ждущих моих громовых заявлений, я им ответил неожиданно для самого себя: «Я достаточно говорил в Советском Союзе, а теперь помолчу». Семья Солженицына присоединилась к нему позже.

Думая об эмиграции, Солженицын мечтал о доме на обрыве фьорда в Норвегии. Но от покупки там недорогого дома его удержало, во-первых, чувство уязвимости береговой полосы («вдоль нее недаром все шныряют советские подводные лодки — полоса, которую, если война, Советский Союз атакует в первые же часы, чтобы нависнуть над Англией»). А во-вторых, страх информационной обочины («печатаясь что-нибудь в скандинавской прессе — в мире едва-едва замечают»). Хотя по приезде на Запад Солженицын, мягко говоря, не страдал от отсутствия внимания со стороны прессы — за ним охотились, как за какой-нибудь принцессой Дианой. «Вы хуже гэбистов», — в

ской речи. 16 августа 1990 г. Горбачев подписал Указ о возвращении писателю гражданства. 27 мая 1994 Солженицын с семьей возвращается в Россию. В течение нескольких месяцев его путешествие с Дальнего Востока в Москву становилось новостью номер один, а кадры, на которых духовный лидер общается с народом, — главной информационной картинкой. В конце лета знаменитый писатель доехал наконец до Москвы. Солженицын выступил в Думе. Его статья «Как нам обустроить Россию» изучалась в гуманитарных вузах. Около года он вел авторскую передачу на 1-м канале впрямь-тайм. Но рейтинг какой-нибудь телеигры выше рейтинга передачи с «говорящей головой». Ньюсмейкером теперь уже московский затворник становится сейчас в основном, когда вручает свою премию, на которую идут гонорары от переизданий в мире.

Солженицын стал последним писателем, чья эмиграция и возвращение имели громкий резонанс. Его собратья по перу и по конфликтам с властями просто

1939. МАРИНА ЦВЕТАЕВА. «ПИСАТЕЛЬНИЦА С СЫНОМ СНИМУТ КОМНАТУ»

сердцах бросил он как-то репортерам. В итоге Солженицыны поселились в американском штате Вермонт.

Если писатель оберегал свой образ жизни затворника, его детям пришлось адаптироваться к американской жизни. «Ермолай, на два года моложе соучеников, вытискивал доказательство, что не чуток и достоин быть принятым в их общество, для того занимался борьбой карате. А Степан с его добродушием... на переменах ему не давали участвовать в общих играх, звали Russian Negro, требовали, чтоб он ел траву, даже запикивали в рот. Степушка был подавлен, говорил матери «из жизни нет выхода».

Возвращение Солженицына началось с книг — в 1989 году «Новый мир» опубликовал главы из «Архипелага ГУЛАГ» и нобелев-

живут сразу в нескольких странах и затрудняются определенно ответить, где у них дом. Василий Аксенов, Владимир Войнович, Александр Зиновьев. Читают лекции в западных университетах, приезжают наолго в Россию. Отъезд за границу перестал быть трагическим сюжетом.

МИХАИЛ КОЗАКОВ

ЗА ДЕТСКИМ ПИТАНИЕМ

Однако и так называемая колбасная эмиграция может быть не менее драматична, особенно если ты артист и больше других связан со словом, спецификой юмора, особенностями менталитета и своей публикой. Михаил Козаков, описавший свой эмигрант-

ский опыт с предельной открытостью, от словечка «колбасная» не отказывался. Шокировал окружающих объяснением: «Уехал, потому что не было детского питания для сына». Однако в 91-м это была не единственная причина. Не было работы в театре, рухнула телевидение, не предлагали ролей в кино, заглохла концертная деятельность.

Козаков дал согласие войти в израильский театр «Гешер», где игрались спектакли и на русском языке, где ему посулили и возможность ставить. Но уже в Израиле понял, что все его домашние заготовки — вне интересов руководства театра. И тогда Козаков принял предложение сыграть Тригорина на иврите в Камерном театре. По признанию актера, записать русскими буквами первую фразу роли Тригорина было ничуть не проще, чем «звук проезжающей за окном машины». Занимался с педагогом, сел за школьную скамью, где было принято говорить исключительно на иврите — «умри, но пойми». Тригорина Козаков сыграл 45 раз — нормальный показатель для Израиля. И хотя на сцене получалось даже говорить свободно, за кулисами он чувствовал себя пожилым беспомощным эмигрантом — «даже боялся использовать слова из роли: вынешь кирпич — все здание рухнет».

За время эмиграции Михаил Козаков выучил язык, «побегал в массовке», сыграл в нескольких спектаклях, по сравнению с которыми самые худшие его московские спектакли — «заоблачная высь». Основал свою небезуспешную «Русскую антрепризу», выпустившую три спектакля. Написал книгу. Родил дочь. Раньше многих российских актеров прошел опыт обольщения потенциальных спонсоров (его с Ириной Селезневой, русской актрисой, ставшей израильской звездой, приглашали поиграть отрывки на иврите, а в «доказательство своей русскости» почитать Пастернака или Пушкина). Снялся в рекламе, заработав за один съемочный день во много раз больше суммы гонорара за «Покровские ворота». Наконец, своим выступлением обеспечил победу Рабину на президентских выборах. Добился всего, чего можно было добиться актеру в Израиле, и понял: «Жить будете — петь никогда». И вернулся.

НИКУЛИН ПОД НАРКОЗОМ

Чуть раньше Козакова почти спонтанно решил на отъезд его коллега по «Современнику», «дворянин с арбатского двора» Валентин Никулин. «Я был не столько очарован этой безумной идеей, сколько находился в состоянии наркоза». Но начал отходить очень быстро, еще в самолете. Его отношения с театром «Гешер» (главной надеждой) тоже не сложились. Начал репетировать роль в «Деле Дрейфуса», но лег на операцию, и роль отдал Леониду Каневскому. После чего театр от его услуг отказался. После полугода безработицы откликнулся на предложение Козакова сыграть Баха в «Возможной встрече». Одно время жил на пособие по безработице, иногда были творческие встречи.

А 8 мая 1998 г. прилетел в Москву «по каким-то практическим делам». И остался буквально в чем был — с незатейливым летним гардеробом. Нельзя сказать, что-бы Никулина завалили театральными предложениями по возвращении. Главная роль в спектакле «Орнитология» во МХАТе, который очень быстро сошел со сцены, и теперь Чебушкин в «Трех сестрах» «Современника». Но дома, как известно, и стены помогают.

ЕЛЕНА КОРЕНЕВА МНЕ ОТКАЗАЛИ ДЕВЯТЬ РАЗ

Одиннадцать лет пробыла в «американках» Елена Коренева, выйдя замуж за американского лингвиста. К слову, из-за ее отъезда два фильма Михаила Козакова (один из них — «Покровские ворота») оказались под угрозой «полки». Вместе с мужем-профессором жила в университетских городках и имела возможность посещать всевозможные курсы почти бесплатно. Кстати, к американскому английскому Елене смогла адаптироваться лишь спустя полтора года жизни в Америке, несмотря на диплом английской спецшколы. Работала в кафе, посещала актерскую студию, дважды снялась в кино, в том числе у Кендаловского. Познакомилась с Изабеллой Росселини, Ниной Берберовой, Дмитрием Набоковым, Иосифом Бродским. Развелась с мужем,

1991. МИХАИЛ КОЗАКОВ. «В ИЗРАИЛЕ ЖИТЬ БУДЕТ — ПЕТЬ НИКОГДА»

стада свободной американкой. А спустя какое-то время поняла, что ее тянет к родным и к актерской работе. «Около четырех лет меня не пускали в страну. По негуманитарному закону бывшего ОВИРа можно было апеллировать вновь только через 6 месяцев после отказа. Мне отказали девять раз...»

В конце концов она вернулась, снялась сразу в четырех фильмах, поняла, что долгое отсутствие в России не повлияло на любовь зрителя, помнивших ее еще по «Романсу о влюбленных» и «Покровским воротам».

P.S. Один из потенциальных возвращенцев ближайшего будущего — Антон Адосинский и его театр «Дерево». Более десяти лет назад они уехали из родного тогда еще Ленинграда, устав доказывать чиновникам свое право на существование. Прага, Амстердам, Флоренция, Дрезден, в котором они и осели, получили помещение с хорошей сценой и подсобками, квартиры, офис и помощь государства. Оставаясь при этом российским театром. Однако в конце концов Адосинский скончался в Дрездене и в ближайшее время будет пересаживать свое «Дерево» на московскую почву. Адосинский даже собирается открыть здесь свою школу. Да и друг Адосинского Михаил Шемякин переезжает из Америки в Европу — поближе к России.